

Валерий ШАРАПОВ

РЕФЛЕКС УБИЙЦЫ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш25

Шарапов, Валерий Георгиевич.

Ш25 Рефлекс убийцы / Валерий Шарапов. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с. — (Контрразведка. Романы о секретной войне СССР).

ISBN 978-5-04-243678-9

Середина восьмидесятых годов. КГБ разрабатывает одного из высокопоставленных силовиков, подозревая его в сотрудничестве с британской разведкой. Доказательства собраны, но в последний момент объекту удается избежать задержания и скрыться за границей. Майор КГБ Мария Погодина понимает, что в одиночку такой побег не совершить, кто-то помог предателю. Подозрение падает на сотрудницу Министерства обороны Анну Шатрову. Установленная за ней слежка выявляет ряд «мутных» контактов. Еще немного, и клетка захлопнется... Но в последний момент Шатрова делает неожиданный шаг, который ставит майора Погодину в тупик...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Шарапов В., 2025
ISBN 978-5-04-243678-9 © Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Июль 1985 года, федеральный округ Колумбия

Зеркальный пруд в парке Западный Потомак был странной достопримечательностью. Ортогональный мелководный водоем, до краев наполненный прозрачной водой. Ее забирали из городской канализации и как-то очищали. Второе название — Отражающий бассейн. Он находился на Национальной аллее, по которой в год проходило больше двадцати миллионов посетителей. То есть в парке было, мягко говоря, многолюдно. В зависимости от выбранной точки в воде отражались Мемориал Линкольна, Монумент Вашингтона, вереницы дубов и каштанов. Пруд обрамляли пешеходные дорожки, по ним гуляли или просто стояли и смотрели на воду люди. День выдался теплый, освежал ветерок. С любого ракурса в стоячей воде отражалось безоблачное небо. Все было торжественно, величаво и словно призывало к пробуждению патриотизма и самосознания...

Но не для всех. И патриотизм в понимании некоторых имел иную окраску. Стройная молодая особа в очках и с пышными рыжими волосами покинула прибрежную зону и свернула на аллею. Дама одевалась стильно, но не эпатажно — приталенное платье средней длины, туфельки на невысоких каблучках. Светлая сумочка из кожи ямайского каймана дополняла образ иконы стиля. Навстречу двигалась негритянская семья — тучные мама с папой и карапуз лет трех. Мама попыталась взять мальчика за руку, малыш отмахнулся, скорчив гримасу. Он уже вырос и мог сам о себе позаботиться. Пришлось посторониться, чтобы пропустить семейство. Зачем им столько лишнего веса? Даже пацаненок смешно косолапил. Шатенка подмигнула малышу. У нее был тоже курносый нос. Дама смутно напоминала Ядвигу Поплавскую из ВИА «Верасы» — ту самую, что пела про малиновку и «Я у бабушки живу». Негритенок удивился, завертел головой, и мама все же схватила его за руку.

Парк Западный пробел Потомак занимал обширную территорию на северо-западе американской столицы. Горделиво высился за спиной Мемориал 16-го президента Соединенных Штатов. Дама шла по аллее, обрамленной тенистыми деревьями, дважды свернула, оставляя позади людные места. Имелись и другие отражающие бассейны — но не такие пафосные, с простыми оградками. Купаться в них строго

запрещалось, да и кто полезет в пруд глубиной по колено? То тут, то там поблескивала водная гладь. Людей становилось меньше. Возникло желание обернуться — пусть и неназойливое. Это не понравилось. Но не факт, что приклеился хвост. До Мемориала Линкольна ее точно не вели. А агентов ФБР в этом городе — как солдат в военном городке.

Молодую женщину звали Марией. Официально — Сергеевной. Но в этой части света она отзывалась на другое имя. Мария не оборачивалась. Обогнула очередной водоем, вошла в дубовую рощу, пронизанную дорожками. Скульптурная композиция на открытом пространстве увековечивала некоего деятеля времен Войны за независимость. Открылся миниатюрный сквер. Под боком у скульптуры протекал канал, закованный в бетон. Мостики, лавочки, детская площадка, на которой возилось подрастающее американское поколение. Заботы у детворы — те же, что у советских детей: побегать, отнять игрушку у сверстника. Мария подобралась. Странно, что сегодня здесьлюдно. Обычно отдыхающих самый минимум. Мария медленно шла по дорожке, поглядывая наметанным глазом. Детишки на игровой площадке — маленькая кучка, но шум поднимали, как на колхозном собрании. Там же на лавочках мамыши и няни проводили время в приятном общении. Вдоль канала выстроилась постриженная акация. Элегантный мужчина на скамейке отложил газету, стал оценивать

возникшую красотку. «Спокойно, Маша, — твердила про себя Мария. — Будет у тебя и Дубровский, и какие угодно принцы в буденновских шлемах...» Субъект сделал вид, что смутился, отвел глаза.

Напротив, через мостик, сидела пара средних лет, трогательно держась за руки. Коренастый мулат сосредоточенно изучал биржевой вестник формата А4. Навстречу шел пенсионер, постукивая палочкой, чему-то улыбался. В этой загадочной стране, считавшейся враждебной, пенсионеры часто чему-то улыбались — как будто проблем у них не было. Работало боковое зрение. В стороне обозначился прудик с утками. Местным водоплавающим он нравился, приходили сюда целыми семьями, плавали. Пустая лавочка, альпийская горка рядом с водой...

Что-то было не так. Без объяснений, просто не так, и все. Мания преследования? Профдеформация? С утра ни того, ни другого не было. Странно обзаводиться такими вещами в 32 года. В альпийскую горку был встроен так называемый шпионский камень. На вид обычный камень, и на вес такой же, но с секретом: легкое движение, скрытая полость — и шпионское послание в руках адресата. Недолгая тренировка — в общем, ничего сложного. Главное, чтобы у горки никого не было. Там, как правило, никого и нет...

Мария села на свободную лавочку, решив, что рановато идти кормить уток. С лавочки открывался вид на прудик. Мария просидела несколько минут, про-

сматривая машинописные листы, припасенные в сумочке. В то, что в тексте, Мария не вникала. Бумаги валялись утром у почтового ящика, на каждом листе красовался штамп — «Недействительно». Кому до этого дело?

С любопытством косился элегантный кавалер, сидевший на соседней лавочке, но знакомиться не спешил — воспитание не позволяло. Или был на работе. Проехал молодой человек на самокате — отталкивался ногой, беззаботно посвистывал. Видимо, студент — на длинном ремешке болталась сумка. Он достиг конца аллеи, развернулся, покатил обратно. В небе возник белоснежный авиалайнер — летел на запад на высоте десяти тысяч метров. Местный аэропорт имени Даллеса его не интересовал. Перефразируя Жванецкого — «Пролетая над Белым домом, посылая всех к ядре фене...»

К прудику подошел откормленный господин в мятом костюме. Полуденное солнце переливалось в безволосой части черепа. Видимо, любитель водоплавающей живности — с интересом разглядывал утиную семейку, чинно переплывающую пруд. С аллеи позвала супруга — тоже не модель. Толстяк отмахнулся. Утята плыли за мамашей, игнорируя людей. «Наблюдатель» обошел пруд, чтобы оказаться к ним поближе, присел на корточки. Утке это не понравилось, задрала нос и стала маневрировать. Толстяк засмеялся. Затекала нога, он сменил позу, не-

ловко оступился, уперся ладонью в каменную горку, чтобы не сесть на пятую точку. Покатился камень с горки, он бросился его ловить, забалансировал на корточках.

Что тут началось! Возбудилась чуть не половина отдыхающих. Молодой самокатчик как раз поравнялся с прудиком. Он сменил направление, прыгнул с самоката и устремился к толстяку. Подскочила с лавочки пара средних лет, заспешила к пруду. Столь повышенное внимание толстяку не понравилось, он растерянно завертел головой. И все-таки сел на пятую точку. «Студент» уже висел над душой, предъявлял жетон, с важностью хмурился, надувал щеки. Помолодело ФБР. Комсомольский призыв объявили? Толстяку такой расклад решительно не понравился, он выражал протест. «Студент» схватил его под мышку, стал поднимать. Но силенок не хватало, объект сопротивлялся. Подбежали мужчина и женщина — обладатели таких же жетонов, стали помогать. Получить локтем в челюсть толстяк не планировал, и этот удар его ошелолил. Возможно, вышло случайно, не стали бы агенты при людях бить задержанного. В ход событий включилась супруга, стала возмущенно кричать: что тут происходит? Оставьте ее мужа в покое! Покормил, называется, уток. Еще секунда, и она бы бросилась защищать свою собственность. Поднялся элегантный мужчина с соседней лавочки, с сожалением глянул на Ма-

рию, зашагал разбираться, отцепляя от пояса значок. А она ведь подозревала, что он на госслужбе! Толстяк сдался. Его вывели на дорожку, бедняга спотыкался, испарина блестела на лысине. Супруга дернулась, но сцена «графиня изменившимся лицом бежит пруду» не состоялась. Галантный субъект тактично взял ее за плечо, начал вкрадчиво объяснять, чем чревато подобное поведение. Дама тарасилась на него, как на демона из преисподней. Вот она, бесправность и незащищенность населения в капиталистических странах! Толстяка быстро увели, процессия скрылась за кустами. Одиноким агент ФБР уводил в том же направлении растерянную супругу — до кучи, так сказать. А вдруг она сообщница?

С задержанием агенты справились. Невольно возникал вопрос: а зачем? Судя по всему, не стерпел самокатчик — не дождался, пока объект заинтересуется камнем. Сказалось отсутствие опыта, юношеская горячность, желание отличиться. Толстяк не знал ни о каком камне! И теперь из-за этого идиота у ФБР накрылась блестящая операция. Впрочем, кто бы возражал...

Снялись еще двое, сидевшие в стороне, потянулись за своими. Оставшаяся публика удивленно переглядывалась — что это было? Мария тоже удивлялась — надо быть как все. Хотела закурить, но вспомнила, что бросила полгода назад — зачем, спрашивается? Столько неудобств! Цвет лица и так был

неплох. Сигарет, разумеется, не было, но была жевательная резинка, которая немедленно переключалась в рот. Грустно, девочки. Тайник раскрыт, а что с кротом? Тоже раскрыли? Если так, то это катастрофа вселенского масштаба... Мария продолжала сидеть, подставила лицо солнечным лучам. Народ в сквере успокоился, потекла мирная жизнь. Подходить к камню уже не стоило. Все, что там было, выгребли агенты — попробуй им объяснить, что нельзя читать чужую корреспонденцию. И в сквере могли остаться глаза. С толстяком разберутся, поймут, что обозначались. И супруга не станет ждать, истеричная штучка, дойдет до Верховного суда. Через час-другой часовые вернутся на пост. Мария глянула на наручные часики, ужаснулась — у нее ведь столько дел! Встала и отправилась к выходу, решив не оборачиваться. Разве законопослушные люди озираются?

Минут через десять она покинула национальный парк, сориентировалась в пространстве. Округ Колумбия, в принципе, небольшой. Парк Западный Потомак с одной стороны ограничен проспектом Независимости, с обратной — проспектом Конституции. Много машин, людей, кипит столичная жизнь. Подумав, свернула на 17-ю улицу, отправилась в обратную от Конгресса сторону. Строевые стали проще, уплотнялась растительность. Мария свернула на узкую Честейн-стрит, где движения практически не было, перебежала дорогу по «зебре».

За кованной оградой простиралась очередная зеленая зона. Нет, хватит с нее на сегодня садово-парковых хозяйств...

Она прошла мимо, задумалась. Хорошо бы где-нибудь посидеть, привести мысли в порядок. Вспомнился кантри-бар «У Джастина» — неплохое местечко, куда она приходила пару раз. Не сказать, что обожала специфическую музыку белого населения сельских районов — предпочитала все же Аллу Пугачеву и Валерия Леонтьева. Но там понравилось. Кантри-бар находился на параллельной улице в обычном трехэтажном доме. Мария свернула с тротуара в узкий проезд, миновала подворотню, чем-то напомнившую ленинградский «колодець» — только не замкнутый. На выходе из подворотни почувствовала неладное, но шла, не оборачиваясь. Свернув, уступила дорогу встречному трамваю, сделала вид, что провожает его глазами. Ну так и знала! На хвосте висел мулат — тот самый, из парка, любитель биржевых сводок. Он держал дистанцию, вышел из-за угла лишь после того, как объект отдалился. Шел, помахивая своими сводками. Когда Мария обернулась, нисколько не смутился, лишь сбавил обороты, и взгляд уперся под ноги. Значит, у «шпионского камня» она показалась кому-то подозрительной...

Это было скверно. Тонем, граждане, тонем... Но Мария не теряла присутствия духа. Маршрут не менялся. Решила — в бар, значит, в бар. Она свер-

нула за угол — заведение находилось в этом же здании, только с торца. Взявшись за ручку, замешкалась, боковым зрением заметила, как из-за угла возник плотно сбитый мулат в спортивном пиджаке цвета детской неожиданности. Притормозил, но все же продолжил движение. Мария не стала вгонять его в краску, вошла внутрь. Интересно, следом потащится? Или останется на улице, будет ждать, липнуть к окнам? Времена угнетения цветных давно прошли, темнокожих пускают куда угодно, однако в кантри-баре публика, обожающая слово «консерватизм»...

Внутри было мило. За три дня ничего не изменилось. Светильники на потолке, мебель из темного полированного дерева. Массивные столы, стулья, длинная барная стойка, за которой в вечерние часы не найти свободного места. Время неурочное, долговязый бармен по имени Никки лениво протирает стаканы. За столиками сидело человек шесть, басила дамочка со спутанными белокурыми волосами. В дальнем углу возвышалась ударная установка. Волосатый гитарист с рыжей щетиной вяло перебирал струны. Девушка со скрипкой ему подыгрывала, тоже без огонька. Все начнется вечером, когда соберется народ, и музыка будет такой, что ноги сами понесут в пляс. Мария прошла к стойке, улыбнувшись белобрысой девице. Та тоже улыбнулась, но вряд ли узнала. Мулат переминался на крыльце — двери в за-

ведение были выполнены из толстого стекла. Возможно, пуленепробиваемого. Физиономия агента выражала решимость — кто же выгонит из бара представителя власти?!

— Мэм? — Бармен отставил стакан, перебросил через плечо полотенце и всмотрелся. — Натали, ты, что ли? А что это с тобой?

Рабочий камуфляж, вот что! Всего лишь очки и пышный парик, что по задумке меняло внешность.

— Да все в порядке, — отмахнулась Мария. — На пробы ходила, в кино собираюсь сниматься. Но пока, для разгона, в рекламе... Слушай, Никки, привязался тут на съемках один, никак не могу от него избавиться, прилип, как жвачка. Вон он, змей, в дверях маячит, сейчас войдет. Можно что-то сделать?

— Да иди ты. — Никки всмотрелся. Хоть какое-то развлечение в этот резиновый день. — Сочувствую, Натали, не повезло так не повезло. Ты не переживай, парни сейчас все исправят. Ты исчезни куда-нибудь на пару минут. Эй, Томми, Джонни, тут такая история...

— Спасибо, Никки, — буркнула Мария. — Ты просто душка, с меня причитается...

Она знала, куда исчезнуть. Обогнула стойку, шмыгнула в узкий коридор и заперлась в туалете. В зале скрипели стулья, поднимались парни с крепкими мозолистыми кулаками. Гитарист заиграл бодрее. Очнулась скрипачка, тоже запиликала. К сожалению,

черного хода в заведении не было. Вернее, был, но не для всех. А бегать и выпрашивать ключ было неудобно. Мария покинула дамскую комнату через пять минут — уже без очков и парика. Собственные волосы были тоже неплохие — русые, с пепельным отливом. В санузле висела копеечная жакетка, забытая кем-то из посетителей. Мария накинула ее на плечи, чтобы отвлечь соглядатая от знакомого платья. В зале все было по-старому, бармен Никки, позевывая, протирает бокалы, басила блондинка, живо общались ее спутники. А что-то вообще происходило?

— О, привет, — помахал рукой Никки. — Вот теперь узнаю, Натали. Парни объяснили твоему ухажеру, что к женщинам приставать нельзя.

— Парни, спасибо! — воскликнула Мария. — С меня пиво. А где он?

— А хрен его знает, — пожал плечами мускулистый Джонни — водитель экскаватора на стройке. Сегодня была не его смена. — На улице где-то. Мы его не пустили. Ты смотри, Натали, можем сопроводить, если боишься.

— Да он ее не узнает, — засмеялся Никки. — Вечером забегай, будем рады. Что там с твоей киноролью в рекламе? Скоро насладимся просмотром?

Мужики загоготали — народ простой, работающий. Знали бы они... Мария поулыбалась, пообещала, что обязательно забежит и все расскажет (киноиндустрия — это такая помойка!), и вышла из заведения.

Обстоятельства складывались вроде терпимо. Служебный жетон своим обидчикам мулат не предъявлял. Этот герой мялся за проезжей частью, злой, как барракуда, общался с кем-то по рации. Даже неловко стало. Не расистка она, боже упаси, дружба и любовь всех рас и народностей, но на что только не пойдешь ради правого дела... Мулат мазнул по ней взглядом, не признал, зашагал через дорогу, извлекая из кармана служебный жетон. Попытка номер два — решающая. Мария удалялась, поглядывая в стекла, как в зеркало заднего вида. Агент с решительным лицом ворвался в заведение. Мария ускорила шаг, свернула в проулок. Так некрасиво подставилась! Повлечет ли это последствия? Может, и нет, если действовать правильно и не лезть на рожон. Покрывать посетительницу Никки и компания, разумеется, не будут. «Натали» для них никто. Значит, в кантри-бар ей уже не прийти. Жаль. Бар посещали милые люди, ностальгирующие по жизни в глубинке. Она бы тоже съездила на дачу, поковырялась бы в грядках. Такое лето пропадает!

Мария миновала несколько кварталов. Главное, подальше от всего этого. Чужая жакетка давила на плечи, сдернула ее, бросила в мусорный контейнер. Уходя, оглянулась. Жакетку извлекал из бака местный бездомный с интеллигентной бородкой, придиричливо осматривал. Вещь хорошая, надо брать. Какая наблюдательная публика, черт возьми...

Из ближайшего таксофона она позвонила. На другом конце провода, слава богу, отозвались! Мария волновалась, но голос не дрожал.

— Добрый день. Это фирма по оказанию клининговых услуг. Меня зовут Грация. Вы заказывали уборку дома Кавердейл-роуд...

— Да, я помню, — отозвался сухой мужской голос. — Боюсь, одними клининговыми услугами не обойтись. Ваша фирма борется с термитами? Это какое-то небывалое нашествие...

— Да, разумеется. У нас лучшие специалисты, мы только перепишем договор, и плата возрастет на сорок процентов. Это же не препятствие для нашего сотрудничества?

Включился «режим Станиславского», Мария вслушивалась в интонации голоса. Не было даже намека на то, что человек говорит под принуждением. И условная фраза не прозвучала. Мария знала этот голос. Абонент тоже знал голос Марии.

— Неудобно сейчас говорить, — понизив голос, сказал он. — Будьте через час в баре «Соло» — это район Кенилворт, Дастинг-стрит, номер здания, к сожалению, не помню, но любой таксист вас туда привезет. Через час я туда позвоню, попрошу миссис Фарадей.

Абонент, не попрощавшись, повесил трубку. В указанную точку Мария прибыла через полчаса, воспользовавшись услугами такси. По иронии судьбы здесь тоже играла живая музыка — джаз, соул и ритм-

энд-блюз. Контингент был соответствующий. Она бы долго смеялась, кабы не было так грустно. Белым не возбранялось посещать места для темнокожих. Но там на них смотрели как на белых ворон. А может, она с детства обожала ритм-энд-блюз?

Бармен улыбался — приветливо, хотя и озадаченно. Уточное время еще не наступило, посетителей было мало. Мурлыкала полная негритянка, едва не проглатывая микрофон. Звучало красиво и необычно. Оставалось полчаса, Мария заперлась в санузе, сделала свои дела, привела себя в божеский вид. Печально уставилась в зеркало. Отражение потускнело, приобретало размытый вид, и виноватым в этом было отнюдь не зеркало.

— Да уж, не фонтан вы, Мария Сергеевна, — промормотала она. — Монетками вас не закидают...

Совсем недавно все было по-другому. Ее устраивало отражение в зеркале. Безумно захотелось домой в Москву, пройти по Арбату, посидеть в каком-нибудь дальнем закутке парка Горького. Фактически она занималась не своей работой. Привычной, но уже не своей. В этом имелся смысл. За новыми лицами, прибывающими в советское посольство, ФБР пристально наблюдало. Кому придет в голову, что молодая женщина, даже не сотрудница ПГУ, будет встречаться с людьми, на поиск которых ФБР ежемесячно выбрасывает миллионы долларов? А ущерб от действий этих лиц — даже не миллиарды, больше...

Снова приходилось валять дурака. Темнокожие посетители улыбались, никто не смотрел враждебно. Подошла официантка, спросила, что желает мэм. Последняя желала провалиться сквозь землю. Заказала кофе, какие-то ватрушки, сидела, слушала музыку, которая — вот же парадокс — нравилась. Вступил саксофон — пожилой музыкант надувал щеки, исполняя что-то из Нила Армстронга. Мурлыкала певичка. Люди слушали, вполголоса общались. Мария тянула ароматный кофе, жевала ватрушки. На посетительницу косились, но не сказать что как на инопланетянку. Полчаса пролетели незаметно — Мария просто выпала из обоймы, растворилась в музыке и уютной атмосфере.

— Миссис Фарадей здесь? — спросил бармен.

Мария не включилась. Надо же так выпасть из действительности...

— Миссис Фарадей убедительно просят к телефону! — повторил бармен.

Точно, это же она! Мария отправилась к барной стойке, любезно улыбаясь. Телефонный провод оказался длинным, ушла с ним за стойку, придвинула ногой стул.

— Заслушались, Грация? — усмехнулся абонент. — Можете говорить свободно, эта линия не прослушивается.

Мария поведала в сдержанных выражениях, что точка в парке Западный Потомак под контролем

ФБР, ей удалось уйти, и первый же возникающий вопрос: все ли в порядке у человека, с которым она говорит? Кодового слова она по-прежнему не слышала. Но проваленный агент мог его сознательно не произносить — рассчитывая на милость победителя. Но на какую милость может рассчитывать агент «Людмила», нанесший колоссальный урон родной стране? На два пожизненных срока вместо трех?

— Это весьма прискорбно, Грация, — подумав, сообщил абонент, и голос его как-то погрузнел. — Значит, больше этой связью пользоваться нельзя.

Да неужели? Вопросов меньше не становилось.

— Не делайте из этого трагедию, Грация, — посоветовал абонент. — Если уж я не делаю, то вам давно не пристало. Этот камень — не моя эксклюзивная точка. Им уже пользовались, он установлен полтора года назад. А ФБР только сейчас удосужилось его выявить, м-да... Это могло произойти случайно — так бывает, играли дети, наткнулись на что-то необычное, а родители от греха подальше решили сообщить. Или результат работы в вашем лагере крота, который, очень надеюсь, знал только это... Не волнуйтесь, Грация. Два дня назад наблюдения за объектом не было. Послание, которое в нем лежало, расшифровать невозможно, для этого нужно иметь некую книгу. Так что не морочьте голову ни себе, ни мне, договорились? У вас, кстати, очень красивое имя. И было бы еще лучше, получи вы его с рождения...

В какой-то момент у Марии создается ощущение, что ее соблазняют. Такого быть, разумеется, не могло, люди в деле серьезные. Но ощущение создается. Ей говорили, что крот в ЦРУ — фигура весьма своеобразная.

— Вы не в своей тарелке, Грация, прекрасно вас понимаю. В конце концов, вам угрожает только высылка. Нет причин для волнения. Находишься моя фигура под наблюдением, я бы это знал. Запоминайте, Драйзер-стрит, это юго-западный Вашингтон, автомойка у торгового центра «Глория». Улица короткая, не потеряетесь. Я буду там, — абонент сделал паузу, видимо, смотрел на часы, — в половине четвертого пополудни. На улице нынче сухо и ясно, так что столпотворения на мойке не будет. Моя машина — темно-синий «Форд-Тандерберд», номерные знаки... — Он продиктовал несколько цифр. — До скорой встречи, Грация.

— Вопрос, если позволите, — спохватилась Мария. — Почему... именно бар «Соло»?

— Вот вы о чем, — усмехнулся мужчина. — Нет, я вовсе не собирался пытаться вас негритянской музыкой — догадываюсь, что вы не являетесь ее пылкой поклонницей. Но что-то в ней есть, согласитесь. Все проще: телефонные линии в том районе свободны от любых видов прослушки. До встречи, Грация. Время есть, можете пообедать. Если вы поклонница высокой кухни, то настойчиво рекомендую заведения «Куилл» и «Хей-Адамс».